

Ирина
Винер

Ирина Винер

Я – НИКТО...

Автобиография
легендарного
тренера

Москва
2023

Посвящается моей семье и ученицам

Эту книгу придумала Алина. Моя ученица.
Мой ребенок.

Позвонила, сказала, смеясь:

— Есть идея, Ирина Александровна.

— Идея? Что за идея? — спросила я.

— Подарок хочу вам сделать. Самый лучший. На день рождения. Не на этот, на следующий.

— Ты придешь, вот и лучший подарок.

— Спасибо, — ответила Алина. — Спасибо, но нет. Буду у вас завтра и все объясню.

Алина Кабаева:

Вошла в зал и сразу услышала Ирину Александровну.

— Эй, тренеры! — произнесла она так громко, что замерли все четыре ковра. —

Посмотрите на эту Зайцеву, которую привезли! Она медленно, но верно худеет. Выходной не выходной, все время вес идет вниз. А у наших красавиц некоторых... Вот ты чего поправляешься? Тоже мне королева нашлась! Я помалкиваю, а она прибавляет каждый день. Чтоб в столовую не заходила! А ты? Квадрат! Думаешь, оставлю тебя такую? Нет! Бросок подработают девочки новые, и поменяю вас, коров здоровых!

Эхо, тишина и снова шум тренировки. Ирина Александровна направляется мне навстречу, видит идущую к выходу девочку, подзывает к себе и делает замечание в своей неповторимой манере, незабываемой и хорошо мне знакомой:

— Куда собралась?! Ни спасибо, ничего не сказала. Еще раз повторится, забуду, как тебя зовут. Надо всегда уходить с площадки и говорить спасибо! Хореографу — спасибо! Тренеру — спасибо! Уборщице — спасибо! Врачу — спасибо! Господу Богу — спасибо! Без конца спасибо надо говорить! Свободна!

Настает мой черед.

— И с какой же ты идеей? — Ирина Александровна обнимает и целует меня.

Я счастлива и знаю — нашей встречей счастлива и она. Перехожу к делу.

— Идея проста. Вы расскажете о своем детстве, юности, поступках, любви и работе с нами — вашими детьми. Мы расскажем о вас. Вы огромная часть нашей жизни, мы — жизни вашей.

Получится книга. Книга, которая нужна людям. Детям, родителям, тренерам. Поверьте, Ирина Александровна, и, пожалуйста, соглашайтесь. Разумеется, рассказы тех, кто в составе сборной России на ковре никогда не выступал, но знает вас хорошо, в книгу мы тоже включим.

Диктофон стал моим спутником. Помощники расшифровывали речь, я читала, дополняла, уточняла.

1

Перед соревнованиями я забираю все телефоны и все компьютеры. Если Олимпийские игры — за три недели, чемпионат мира — за десять дней. Дети смиряются, и правильно. Знают, делается это для их же блага. Сначала шумели, а потом поняли, что так спокойнее. Спать ляжешь вовремя, выспишься, в зал придешь полная сил. Уговоры типа «сон для слабаков» на меня не действуют. Дисциплина — главное. Не соблюдать режим — преступление. Тот, кто преступление совершает, должен отвечать.

Я могу отстранить любую. Мне не трудно. Убираю даже самые первые номера. Объясняю и детям, и тренерам: «Вы мне кто? Сестры, подруги, знакомые? Я сама себе не сестра, не подруга, не знакомая. Сама себе я — никто. Я проводник. Мне идет информация Оттуда, я повторяю. Не слушаете меня, значит, Небесную канцелярию не слушаете. Будете получать травмы, болезни, неприятности. Канцелярия говорит мне, а я — каждой из вас: “Ты получила

программу? Выполняешь? Не выполняешь, я тебе подскажу. И еще раз подскажу. И еще. А потом тебя накажут. Поломаешь ногу, руку, шею. Будешь сидеть и смотреть по телевизору, как выступают другие там, где ты сама могла выступать». Мне говорят: «Вы — ворона, Ирина Александровна, вы накаркаете». А я не каркаю, я информацию передаю.

Дети не любят тех, кто заискивает перед ними, гладит по головке: «Ты моя кошечка, ты моя умница», а результата нет. Презируют таких тренеров, уходят от них. Я никогда не сюсюкаю. В ложке меда утопить легче, чем в бочке дегтя. Все время напоминаю: «Бояться надо не тех, кто ругает, а тех, кто хвалит. Нужно подумать, заслужил ты это или нет». Я незаслуженно никогда не похвалю. Никогда на плохое не скажу хорошее. И на хорошее не скажу плохое. Дети быстро распознают ложь и фальшь и прекрасно разбираются, кто есть кто. Могут не подать вида, но доверять перестанут. А залог успеха в том, что ребенок должен тренеру верить.

Я не говорю «гимнастки». Дети. Другого слова у меня нет. Они с детства рядом со мной и видят меня чаще, чем своих собственных родителей. Я лучше их чувствую, потому что провожу с ними больше времени и вникаю во все их жизненные проблемы. Я в ответе за них и считаю своими родными детьми.

Кто-то думает, что я их подавляю. Нет. Подчиняю порядку и правилам. Моя жесткость и мой диктат обуслов-

лены тем, что Бог дал каждой из них колоссальный талант. А талант надо отработать.

У них есть все: огромный состав специалистов, который за ними ухаживает, питание, зал. Такие условия создает для них страна. И они должны платить за это своими победами. «Как вы смеете не трудиться? — спрашиваю я. — Люди голодают, а вы здесь жируете, не тренируетесь так, как нужно. Подводите тренера, родителей, флаг! Государство за каждую из вас платит в день столько, сколько многие зарабатывают за месяц. Когда у вас в жизни случится, к сожалению, что-то неприятное, будете говорить: “За что?” А вы вспомните, как не делали то, что положено, как крутили носами».

Дети на строгость не обижаются. Наоборот. Самой первой знаменитой моей ученице Венере Зариповой устраивали темные из-за того, что с ней я работала больше и жестче, чем с другими. Ревновали. «Вы же не любите, когда ругают», — сказала однажды им я и услышала: «Ругайте, кричите на нас. Пожалуйста, мы готовы».

Перед Олимпиадой в Рио-де-Жанейро я очень жестко разговаривала с тренерами, серьезно с ними конфликтовала. Программу Риты Мамун они начали упрощать. Подстраховывались, хотели, чтоб делала она только то, за что судьи баллы засчитают. А то, что связано с красотой, с образом, их не особенно волновало. Каждый день бочку катила, чтобы поняли: трусом быть нельзя. Страх —

самое плохое. Чувство, которое не дает преодолеть себя. Страх — это когда поджала хвост. Должна была распушить, а поджала. Вышла, но боялась.

— Три труса! Тренер — трус, хореограф — трус, гимнастка — трус, — говорила я. — С тремя трусами можно на Олимпиаду пробиться? Можно Олимпиаду выиграть?

— Ой, Ирина Александровна, для Риты это слишком сложно, а если получится не будет, а если уронит предмет?

— Пошли вон! Думаете, мне не страшно?

2

Есть такие стихи:

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить¹.

Иногда я переливаю свои слова в свинец и этим свинцом своих воспитанниц расстреливаю.

Моя первая олимпийская чемпионка Юлия Барсукова на вопрос: «А Ирина Александровна на вас кричит?» — ответила: «Да, кричит. Если выпросишь».

Одна за сутки на килограмм поправилась. Захожу в ее комнату — банка «Нутеллы» пустая стоит. Банку она

¹ В. С. Шефнер, стихотворение «Слова».